

признал многое в соображениях своего корреспондента метким и ввел содержание его письма в одно из своих сочинений. В 1909 г. Ковнер умер.

Свою интересную книгу, написанную с большим мастерством, Л. Гроссман определяет, как «беглый психографический опыт». Он стремится воспроизвести историю духовных исканий и скитальчеств Ковнера, рассказанную им в своих письмах и в произведениях мемуарного типа. «Фрагментарная исповедь, растянувшаяся почти на полстолетия», дается преимущественно в выражениях самого Ковнера, которого автор щедро цитирует. Центральное место в книге занимают заочные сношения Ковнера с Достоевским, — именно от Достоевского и идет Гроссман в своей заинтересованности забытым публицистом-мыслителем и героем уголовной хроники 70-х г.г. Достоевский признал, что он «редко читал что-нибудь умнее» первого письма к нему Ковнера, целиком приведенного в книге, и ответил ему не только непосредственно, — этот ответ тоже приводится, — но и в печати, в одной из глав своего «Дневника писателя», где он приводит обширные выписки из письма Ковнера, не называя его по имени, и отвечает на поставленные ему вопросы и сделанные упрёки.

Недостатком книги Гроссмана является то, что она не дает возможности заинтересованному читателю углубить свое знакомство с Ковнером и самостоятельно проверить авторские впечатления: при полном почти отсутствии библиографических указаний остается довольствоваться только теми отрывками, которые дает Гроссман. Повидимому, называемые и цитируемые автором «Записки еврея», «Тюремные воспоминания», «Хожение по мытарствам» были где-то напечатаны, но где — неизвестно. Эта странная скупость на библиографические обозначения доходит до того, что автор говорит, напр.: «Розанов помещает в своей книге исповедание Ковнера» и т. д., не указывая, в какой именно книге.

Приложением к книге является небольшой очерк «Достоевский и юдаизм», где автор устанавливает двойственный характер отношения Достоевского к еврейству. Заявления самого Достоев-

ского о полном отсутствии у него антисемитских тенденций не соответствуют истине.

М. Клевенский.

РАБИНДРАНАТ ТАГОР. Воспоминания. Всемирная литература. Госиздат. 1924 г. Стр. 235.

Новое произведение Р. Тагора является чрезвычайно поучительным для уяснения его писательской физиономии, которая все еще является достаточно смутной, несмотря на тот выдающийся успех, которым пользуются в России и на Западе его поэзия, романы и т. д. Сам же Тагор в нескольких местах подчеркивает, что его «Воспоминания» являются как бы комментарием к его творчеству; заканчиваются они следующей многозначительной фразой: «Так, проводив тебя, читатель, до дверей внутреннего святилища, я на его пороге покидаю тебя».

Однако, после прочтения этого небольшого томика, испытываешь сильнейшее разочарование, смешанное с недоумением. В воспоминаниях Тагора мы не находим того, к чему нас приучила западная и русская автобиографическая литература (упомяну хотя бы «Детство и отрочество» Л. Толстого, «Исповедь» Ж.-Ж. Руссо, «Книга моего друга» А. Франса), — а именно искренности и непосредственности. «Воспоминания» Тагора не представляют, в сущности, автобиографии, дающей полную картину всей его жизни или каких-нибудь отдельных периодов ее. Это — ряд картинок-миниатюр, беглых характеристик окружающих, наконец, этюдов о собственном творчестве. Но все это является лишь внешней оболочкой воспоминаний. Внутреннее содержание их сводится к рефлексиям взрослого человека на тему о своем детстве и юношестве и к моральным сентенциям весьма невысокого качества. В самом деле, когда Тагор описывает, напр., какой-либо пейзаж (пруд или сад), детально описывая цвет неба, игру теней, форму деревьев и т. п., то мы никогда не поверим, что он воспроизводит картину, виденную им в возрасте до 10 лет, а находим здесь поздней-

шую рефлексию писателя, искусственно приуроченную к эпохе его детства. На десятках страниц Тагор пытается передать нам то ощущение таинственности, которое сопровождало все его детские ощущения. «Что-то небывалое, невиданное даже во сне, таилось повсюду... как будто природа держала что-то в своих зажатых ладонях» и т. п., и т. п. Но вся беда в том, что об этой таинственности детских мироощущений мы узнаем исключительно из этих эффектных, символично-трескучих фраз, а не из самого материала переживаний. Того трепета тайны, который действительно пронизывает многие страницы воспоминаний Л. Толстого или А. Франса, — здесь нет и в помине.

«Воспоминания» или, вернее, рефлексии Тагора буквально придавлены тяжелой риторикой, хитрой символикой и чаще всего литературной красотой. Новый день для него это — «новое письмо с золочеными краями, которое с неслыханными известиями ожидает меня в конверте». «Первая книга его жизни» закончилась «этими главами Единения, Разлуки и Воссоединения» и т. п. Если же мы сбросим весь этот пышный, хотя и порядком-таки безвкусный покров, мы обнаружим необычайную худосочность, скудость того материала, которым оперирует Тагор. С необычайным пафосом он рассказывает, например, как однажды на ж. д. кондуктор не поверил, что ему 11 лет, и заставил доплатить за билет; на пяти страницах он описывает, как, будучи студентом в Англии, он был приглашен к какой-то англо-индийской вдове, которая, не накормив его, заставила петь и танцевать, в результате чего он слег в постель и т. д. Это отсутствие биографической фабулы, впрочем, вовсе не случайно. Из воспоминаний мы получаем ясное представление, что Тагор жил совершенно изолированной жизнью богатого ребенка, без всякого соприкосновения с окружающей жизнью, которую он наблюдал исключительно сквозь толстые стекла своей теплицы. Это обстоятельство объясняет

аристократизм Тагора, не желающего смешиваться с «простым» народом и заявляющего, например, то в школе он не мог сблизиться с другими мальчиками, так как они «были испорчены по своим привычкам и манерам».

Как указывалось выше, все воспоминания Тагора густо пересыпаны всевозможными моральными сентенциями и афоризмами. Большинство из них вызывает недоумение или улыбку. Вот некоторые из них: «Присмотр за детьми иногда может быть хлопотлив для надзирающих, но для детей он всегда представляет бесспорный вред». «С тех пор я понял, насколько легче усвоить манеры, нежели содержание». «Английской литературе еще не ведома сдержанность подлинного искусства» (бедные Мильтон, Броунинг, Э. По, Суинберн!!). «Интеллектуальное бесстыдство свойственно пробуждающейся юности» и т. д. до бесконечности.

Окончательно усиливает недоумение, возникающее от чтения книжки Тагора, предисловие переводчика М. Тубянского. Для того, чтобы читатель лучше понял Тагора, он дает весьма малопонятные экскурсы на тему об «имперсонализме, «персонализме» и т. п. Попутно автор предисловия расправляется с существующей на русском языке литературой по Индии, притом мало почтительным образом. Классический труд Г. Ольденбурга по буддизму в несколько сот страниц именуется почему-то «книжкой», в то же время, говоря о литературе по буддийской этике, он указывает труды Щербатского и Розенберга, посвященные теории познания и философии буддизма!

На совести автора остаются также его неумеренные восторги по поводу «Воспоминаний» Тагора: оказывается: ни в «*Dichtung und Wahrheit*» Гете, ни в «Детстве и отрочестве» Толстого мы ничего подобного не найдем. Энтузиазм — вещь хорошая, но именно поэтому жаль его растрачивать буквально по пустякам.

В. Кряжнин.